38-я конференция Общества психоаналитической психотерапии
«Постигая немыслимое»

Вступительное слово

Мария Эухения Сид Родригес

Я очень признательна за приглашение на конференцию. Благодарю Вас, Геннадий Кузьменок.

Я рада приветствовать всех собравшихся на 38-ой конференции Общества психоаналитической психотерапии, посвященной двадцатилетнему юбилею организации.

Тема, собравшая нас на этой конференции – очень актуальна в переживаемые нами неспокойные времена, когда мыслительная деятельность становится сложной и вместе с тем фундаментальной задачей.

Очень удачно, что тема этой конференции неизбежно обращает нас к Биону. Теории Биона – это источник вдохновения, приглашение задавать собственные вопросы, размышлять о своем и приближаться к пониманию немыслимого.

В качестве введения в тему позвольте мне напомнить о некоторых концепциях. Одна из основных идей, которую развивает Бион – концепция проективной идентификации, описанная Мелани Кляйн.

В результате личных бесед с Ханной Сегал и Розенфельдом, а также находясь под сильным влиянием собственного опыта участия в двух мировых войнах и в работе с группами, Бион начал думать о проективной идентификации не только как об интрапсихической, но и как о межличностной концепции. То есть проективная идентификация – это всемогущая бессознательная фантазия, которая влияет на принимающий объект очень реальным образом. Ребенок, используя проективную идентификацию, вызывает у матери чувство в соответствии со своей бессознательной фантазией.

На основе этой кляйнианской концепции, опираясь на этот тип эмоциональной связи младенца с матерью, Бион также разработал теорию психического роста, теорию мышления и, как следствие, теорию психоаналитических отношений.

В «Теории мышления» Бион впервые описывает использование концепции «альфа-функции» и то, как альфа-функция, которая является символическим бессознательным процессом, преобразует бета-элементы (необработанные данные, получаемые от органов чувств) в альфа-элементы.

«Альфа-элементы включают в себя визуальные образы, слуховые паттерны, обонятельные паттерны и пригодны для использования в сновидческих (бессознательных) мыслях, бессознательном бодрствовании, мышлении, сновидениях, контактном барьере, памяти» (Изучение опыта) (Bion, W.R. 1962b).

Альфа-элементы могут храниться и подавляться; они подвергаются дальнейшей трансформации и абстракции; образуют контактный барьер между сознательным и бессознательным.

Если альфа-функция нарушена, бета-переживания (ощущения, сенсорные впечатления, эмоции) остаются нетрансформированными и не могут быть осмыслены или увидены во сне. Затем бета-элементы хранятся как непереваренные, конкретные факты, которые могут быть удалены из ментального аппарата только посредством проективной идентификации.

При проективной идентификации, проецируя в мать свой страх, ребенок заставляет мать испытать его и таким образом общается с ней, передавая ей собственный страх, что может вызвать у матери соответствующую реакцию. Если такой реакции не возникает, страх смерти в младенце усиливается и не может быть переработан, то есть страх не может стать мыслимым.

Если мать понимающая, то через бессознательные связи и смыслы, она может нейтрализовать/ обезвредить токсичное действие того агрессивного, пугающего и смертельного, что проецируется в ее сознание, и она возвращает это в сознание младенца, чтобы он мог принять это как нечто новое, новую мысль, с новым смыслом, что делает это более переносимым. Интернализация этого образа обеспечивает базовый аппарат мышления для младенца.

Если мать не способна это сделать, она возвращает его обратно ребенку в виде неизмененного эмоционального опыта, то есть как бета-элемент. Если сознание матери не ‘переварило’ этот опыт, то страх смерти, который был у младенца до вхождения в сознание матери, возвращается к нему как опыт, не имеющий предела. Он возвращается к младенцу как нечто еще более дезорганизованное, чем он предполагал. Ужас усиливается, становится *безымянным ужасом*, потому что отсутствие метаболизации со стороны матери лишает его тех немногих элементов смысла, которые он мог бы иметь.

Единственное, что может сделать младенец, это снова изгнать его с еще большей интенсивностью и возрастающей частотой, что, в свою очередь, усиливает отвержение матерью этого содержания ребенка, иногда порождая очень вредные порочные круги в отношениях.

Концепция альфа-функции ведет к концепции отношений между контейнером и контейнируемым (Bion, W.R. 1962a).

При благоприятных обстоятельствах, то есть при наличии у матери этой альфа-функции в достаточной мере и, с другой стороны, при наличии у ребенка достаточной способности к тому, чтобы вынести фрустрацию, и отсутствии у него чрезмерной деструктивности и зависти, мать становится *сосудом* (контейнером), а фрагментарные ощущения, восприятия, эмоции ребенка – *содержимым* (контейнируемым).

Подобно тому, как рот младенца ищет грудь, так и сознание ведет поиск другого сознания. Контейнируемое ищет контейнер, чтобы стать мыслимым. Контейнер ищет контейнируемое, чтобы думать о нем.

Когда устанавливаются симбиотические отношения между контейнером и контейнируемым, возникает взаимозависимость, которая приносит не вред, а психическую пользу обоим. Мать и ребенок получают пользу и происходит психический рост.

Эта бимодальная связь «контейнер-контейнируемое» является основой мыслительной способности. В отсутствие этого совместного ментального взаимодействия теория или идея превращается в бесплодный, конкретный факт, который может храниться в сознании как воспоминание, но более не поддается пластичному использованию в творческом мышлении (Reiner, A. 2012).

Чтобы проиллюстрировать эти идеи на собственном опыте, я приведу несколько коротких фрагментов процесса наблюдения за младенцем и матерью.

Это первое наблюдение, после телефонного контакта с матерью. Она приглашает меня войти в комнату и указывает на Софи, чтобы я могла подойти ближе и познакомиться с ребенком. Софи лежит в переносной части коляски, которая стоит у окна, как бы для того, чтобы получать больше света и тепла среди довольно мрачной обстановки. Я подхожу ближе и вижу, что Софи мирно спит, завернутая в очень плотное одеяльце. Замечательная маленькая девочка. Мать приглашает меня сесть рядом с младенцем, и когда я оборачиваюсь, чтобы сесть, я замечаю матрас, обильно испачканный кровью, прислоненный вертикально к стене. Это производит на меня сильное впечатление: что-то неожиданное, вызывающее глубокое ощущение странности, чего-то зловещего; в несколько первых мгновений мне даже не приходит в голову, что это может быть матрас, на котором происходили роды. Мать, поняв, что я это увидела, говорит, что она рожала дома, и они все еще не убрали матрас.

Женщина сообщает мне, что хотела рожать дома, потому что ей не нравятся больницы «со всей этой техникой вокруг и незнакомыми людьми». Далее она говорит: «Беременность была ужасной. У мне всю беременность была депрессия. Не знаю почему, но я была подавлена, уставала, не хотела ничего делать. После родов я чувствую себя очень подавленной и опустошенной. У меня нет материнских чувств к девочке; беру ее на руки, обнимаю и чувствую себя так, как если бы ребенок был чужим. Не могу понять, почему я так себя чувствую». Наблюдение продолжается.

Я не ассоциировала образ матраса, запачканного кровью, с родами. Возможно, эта мать, находящаяся в депрессии, в проективной идентификации заставила меня ощутить ее переживание родов как опыт, не связанный с жизнью, странность, ужас по поводу родов, ребенка и ее отношений с ребенком.

В последующие недели мать упорно говорила о том, что «Софи, кажется, все больше становится похожей на человека». Она не может ни обнять девочку, ни приблизить ее к своему телу. Она постоянно перемещает ребенка, и в этих положениях ребенок не может ни посмотреть на нее, ни прикоснуться к ней, не может почувствовать запах матери.

Кажется, что мать не находит для себя эмоционального положения с ребенком. Она никогда не бывает расслабленной и спокойной. Она не может предложить ей моменты близости. Иногда кажется, будто она экспериментирует, ищет способы сдержать свой страх смерти и утешить младенца, не предлагая ему себя. Иногда, когда девочка плачет, мать включает диск с шумом матки или показывает Софи картинку из журнала со счастливым лицом другого ребенка или улыбающейся матери. Неужели она настолько сильно боится навредить ребенку, если подойдет к нему близко? Или она сама боится, что ребенок причинит ей вред?

Три месяца спустя, когда я пришла к ним домой, мать сказала мне, что ребенок по-прежнему не спит по ночам, и она больше не может выносить его плач. За неделю до этого она решила поставить люльку на кухне, которая дальше всего располагается от комнаты супругов, чтобы не слышать плач младенца. В ночь перед сессией мать переместила люльку из кухни, потому что подумала, что там может быть утечка газа и это может создать смертельную опасность для ребенка.

Здесь мы можем наблюдать сбой контейнирующей функции матери. Ужасающие переживания ребенка, которые мать не может контейнировать, метаболизировать и осмыслить; находящаяся в депрессии мать не в состоянии справиться с плачем ребенка, который вызывает ее собственный неконтейнируемый младенческий плач; она не может контейнировать собственные агрессивные ужасающие бессознательные фантазии (утечка смертельного газа), поэтому она агрессивно эвакуирует этот ужас обратно в младенца, который, в свою очередь, может только повторно расщепить и спроецировать это переживание снова и снова, каждый раз со все большей интенсивностью и частотой, по выражению Биона, и сталкивается лишь с еще большим отвержением со стороны матери. В конце концов, ребенок засыпает от истощения, а не благодаря контейнированию. Мы видим, как этот вредный порочный круг возникает в отношениях.

Кажется, что только близость наблюдения, как контейнирующий опыт, позволяет матери войти в контакт с собственной контейнирующе способностью и вырваться из пугающей бета-цепи.

Восприятие родовой крови как чего-то зловещего; потребность матери видеть ребенка более человечным; фантазии о смертоносном газе; и в конце наблюдения, 20 месяцев спустя, мать сообщила мне о том, что начала писать романы ужасов и собирается начать психотерапию.

Я думаю, что это разные пути первоначального воздействия того зловещего, странного, ужасающего, что было связано с опытом рождения ребенка. Различные пути, предполагающие различные уровни трансформации, зависящие от различных уровней конейнирования, будут конфигурировать различные уровни символизации и мышления. Уровень ощущения странности; уровень конкретного мышления и отыгрывания бессознательной фантазии о смертоносном газе. Более символический, сублимационный и компенсационный путь – написание романов ужасов. И ожидание начала психотерапии как возможности развить способность сделать переживания мыслимыми. Возможно, какой-то уровень этого внутреннего опыта так и останется немыслимым. Но все эти уровни между мыслимым и немыслимым будут диалектически и калейдоскопически пульсировать в сознании матери на протяжении всей ее жизни.

Что касается малышки Софи, то и она также будет нести в себе эти различные изменения, с разными уровнями ужаса, которые хрупкий материнской контейнер и ее мыслительная способность не смогли преобразовать. Возможно, эти уровни переживаний останутся немыслимыми, потому что они так и остались без осмысления ее матерью. Но, как показало все наблюдение, малышка Софи также развила более обнадеживающие способности к символизации, которые открыли для нее другие возможности для мышления, психического роста и изменений.

Мы живем в такое время, когда происходят всевозможные изменения и новые вызовы возникают с такой скоростью, что иногда кажется, будто у нас нет времени, чтобы подвести итоги, ответить на вызовы, присущие этим изменениям, вместить, переварить, метаболизировать, обработать, осмыслить и понять их.

Порой кажется, что мы попали в шторм и ищем свою Полярную звезду, борясь с рождением того, что кажется новой парадигмой, в которой не будет заранее заложенных сознательных и бессознательных ожиданий того, что значит быть человеком.

Деструктивность вновь проявляется в самой грубой и видимой форме, равно как и в изощренной и завуалированной: войны, ядерные угрозы, экологическая катастрофа. Распространение вуайеристских удовольствий и публичного обнажения на интернет-платформах, которые служат заменой настоящей близости. Жадное создание новых форм отыгрывания бессознательных фантазий. Эпидемия зависимостей и злоупотреблений любого рода и

фетишистское влечение к потребительству. Извращенная фальсификация реальности и распространение так называемой культуры постправды (или псевдоправды), согласно которой повторение лжи превращает ее в правду.

Стремительное развитие искусственного интеллекта, с заложенным огромным потенциалом творить добро, но одновременно, при отсутствии контроля, несущий огромный вредоносный потенциал в своей попытке клонировать все, что есть в человеке, без участия человека.

Из-за недавней пандемии мы переселились в виртуальную изоляцию, которая временами ощущалась как странное бытие в научно-фантастическом мире. Возникают проблемы и с гендерной флюидностью среди молодежи, которые достигают почти эпидемических масштабов. Мы находимся посреди всех этих бурных изменений, которые кажутся катастрофическими.

Термин «катастрофическое изменение», которое является интрапсихической ситуацией, охватывает сложное эмоциональное переживание как реакцию на какие-то стимулы, внутренние или внешние, реакцию на внезапные, неожиданные, отрицаемые и/или насильственные стимулы, которые могут спровоцировать ситуацию, когда человек – и это справедливо для многих – оказывается «обнаженным, несовместимым, отчужденным, без точки опоры, которая придавала бы смысл» (Bion, W.R. 1991).

Развитие концепции катастрофического изменения произошло после того, как Бион предложил теорию контейнера/контейнируемого (1962), и она [концепция] стала означать катастрофу для контейнера, который оказывается разрушенным контейнируемым. Рождение и смерть как раз относятся к такого рода событиям.

Мне кажется, что именно такой опыт мы наблюдали в отношениях мать – дитя, которыми я с вами поделилась. Возможно, это также представляет собой случай всех тех упомянутых мной бурных изменений, внутренних и внешних, которые не находят симбиотических отношений контейнера/контейнируемого (на индивидуальном уровне и уровне общества), способного трансформировать опыт и сделать его мыслимым.

Из-за ускорения темпа жизни и текущих изменений поддержание альфа-функции в нашем сознании и преобразование переживаний в направлении развития мыслительной способности становится все более трудной задачей.

В рамках психоаналитической мысли и клинической практики психоаналитической психотерапии и психоанализа мы должны создавать пространство для размышления, подобное тому, которое предлагает сегодня ОПП. Он нам нужно для того, чтобы наблюдать, исследовать, понимать влияние всех этих резкий изменений на сознании младенцев, детей, подростков, взрослых, пожилых людей, влияние на пары, семьи в социуме. Другими словами, на нас лежит этическая ответственность думать о психическом здоровье общества в целом и наших пациентов, в частности, в свете темы, которая собрала нас сегодня вместе, “Постигая немыслимое".

Мышление болезненно и обычно является ненавистным предприятием, поэтому широко распространено сопротивление ему и нападки на него. Закончу, как и начала, вдохновляющими мыслями Биона: мышление – это место свободы и творческой игры, серьезной игры, направленной на истину и психическое развитие.

Желаю всем вам богатого и плодотворного опыта осмысления немыслимого.

Мария Эухения Сид Родригес (María Eugenia Cid Rodríguez)
Президент ЕФПП

Источники

Bion, W.R. (1962a). *Learning from the experience.* London, Maresfield.
Bion,W.R. (1962b). A Theory of Thinking. In *Second Thoughts.* (pp.110-119). London : Maresfield, 1967.
Bion, W.R. (1991). *A Memoire of the future.* London. Karnac
Reiner, A. (2012). *Bion and Being. Passion and the Creative Mind.* London, Karnac.